

Внезапно свалившаяся ответственность

Россия превратилась на Ближнем Востоке из возмутителя спокойствия в формирующую силу, даже не планируя этого

Есть такая странная тенденция, такое сомнительное веяние моды: все больше иностранных государств отправляют свои вооруженные силы на Ближний Восток, кажется, совсем не задумываясь над своей стратегией выхода. Откуда такая искренняя вера в удачную реализацию планов? Неужели все полагают, что их генералам удастся все уладить? Или надеются на силу, способную изменить правила игры, на некоего «бога из машины», который, словно в античной трагедии, внезапно, но все же не совсем неожиданно найдет решение проблем?

Закрадывается подозрение, что Россия вмешалась в сирийские события без стратегии выхода. Действовать, в конце концов, надо было быстро. И как раз та сила, которая небезосновательно предостерегала западные государства от авантюры и поднимала вверх указательный палец в знак того, что необходимо «помнить об ответственности», вот уже два года надеется на благоприятный исход для себя в Сирии. При этом она хорошо понимает, что кратковременная стабилизация режима мало что даст, и даже после победы над ИГ в Ракке окончанию войны в Сирии по-прежнему не будет видно конца, так как эта победа породит многочисленные новые конфликты.

*Закрадывается
подозрение, что Россия
вмешалась в сирийские
события без стратегии
выхода.*

Драгомановы Путина, в совершенстве владеющие восточными языками посланники Кремля, излучают самонадеянность и уверенность в своих силах. В отличие от Запада позиция России на Ближнем Востоке должна восприниматься такой, какой ее хотела бы видеть сама Россия: прагматичной, трезвой, а если необходимо, жесткой, но

прежде всего стратегической с точки зрения действий и ориентированной на интересы.

Но если россияне и смыслят в каком-либо искусстве, так это в искусстве эпического рассказа: любая импровизация, любая быстрая реакция, исправления любых упущений – все это переписывается постфактум как отдельные части единого целого, когерентной стратегии. Стратегии, которая становится видимой, лишь когда сопротивление других теряет смысл, а победа России обеспечена – подобно линейному крейсеру, выныривающему внезапно из стены тумана по правому борту противника.

До 2015 года, накануне военного вмешательства, большинство западных дипломатов и экспертов не признавали за россиянами ни готовности к риску, ни воли взять на себя роль лидера. Все довольствовались рассмотрением России как некоего «спойлера». Между тем Кремль превратился на Ближнем Востоке в формирующую силу, которая, если судить по ее возможностям, вкладывает туда довольно много усилий. Это следует не только из решения Путина превратить Ближний Восток в ключевой регион «проекции российской силы». Роль России стала более весомой, так как другие конкурирующие силы либо нейтрализуют друг друга, либо, как США, сами вышли из игры.

*Москва, похоже, всерьез
взялась за поиск
политического решения в
Сирии. Другой вопрос, на
каких условиях.*

Между тем Москва, похоже, всерьез взялась за поиск политического решения в Сирии. Другой вопрос, на каких условиях. Ведь россияне сомневаются в перспективах успеха Асада, который позволил бы ему восстановить соотношение сил, существовавшее до 2011 года. Они собственными глазами видят, что эта страна и ее население за прошедшее время стали другими.

Инициированный россиянами процесс в Астане, то есть попытка вместе с Турцией и Ираном достичь согласия по принципам перемирия и гарантий его соблюдения, в какой-то период производил впечатление сигнала бедствия со стороны Москвы. Он указывает, на кого, за исключением себя самого, возлагают ответственность за происходящее.

Пока стратегия России заключалась в том, чтобы срывать планы других, ее воплощение было простым делом. Это игра с нулевой

суммой. Но Россия не может больше себе такого позволить – ни с точки зрения собственных амбиций, ни с точки зрения вложенных инвестиций.

Весной 2016 года Путин заявил об успешном окончании миссии в Сирии. Но Вооруженные силы России все еще присутствуют в этой стране – а между тем перед ними теперь иные вызовы, запросы сейчас выше.

Тогда, по мнению самой России, ей удалось предотвратить свержение Асада силами, выступающими за смену режима, движимыми исламскими боевиками и финансируемыми из-за рубежа. Она смогла дать толчок развитию отечественной военной промышленности, избежать угрозы ее доминирующей роли как экспортера природного газа и снова на равных вступить в переговоры с США по вопросам мировой политики. И все это без уступок в Украине или в Крыму, без явной угрозы для Израиля, а к тому же еще и без больших материальных или человеческих потерь.

Российское истолкование этого образа действий: мы вынуждены были продемонстрировать свою способность к односторонним действиям, чтобы обеспечить возможность многосторонних действий в будущем.

Однако удивительно, что руководство России вообще не раскрыло еще двух мотивов своего поведения, хотя в учебниках истории они, без сомнения, в свое время получат положительную оценку: осенью 2015 года россияне, возможно, предотвратили еще одну гуманитарную катастрофу. Группировки боевиков-салафитов в провинциях Идлиб и Хама маршем продвигались в сторону поселений алавитов на побережье вокруг Латакии. Алавитам, которых воспринимали как преданных режиму неверных, рассчитывать на пощаду не приходилось.

Им бы пришлось тысячами спастись бегством в Ливан или к Средиземному морю. Военные-алавиты, возможно, даже ушли бы из окрестностей Дамаска, за которые уже тогда развернулись ожесточенные бои, чтобы защитить свою родину.

*На какое-то время
России удалось
защитить не только
режим, но и те*

По крайней мере, на какое-то время
России удалось защитить не только
режим, но и те меньшинства, защита
которых ранее мало беспокоила. То, что
вмешательство России предотвратило не
только нависшую гуманитарную

*меньшинства, защита
которых ранее мало
беспокоила.*

катастрофу, которую почти не воспринимали на Западе, все же не уменьшает ее ответственность за другие гуманитарные катастрофы: гибель и изгнание гражданского населения, которые в других местах происходили с позволения России или даже при ее активном участии.

Кроме того, Россия предотвратила еще одно столкновение, которое часто бессодержательно называют «пожаром местного значения»: если бы Россия в той критической ситуации 2015 года не защитила режим, эта роль досталась бы Ирану. Тогда бы Иран не ограничился только использованием добровольцев-боевиков под присмотром своих военных советников, а, возможно, вмешался бы в ход событий регулярными войсками со своими знаками отличия. Это поставило бы Саудовскую Аравию перед выбором: либо развязать войну против Ирана, либо трусливо наблюдать за происходящим и утратить роль ведущего суннитского государства. Это, возможно, объясняет сдержанный тон в критике действий Москвы со стороны Риада. Многое говорит о том, что саудовцы даже побуждали россиян к вторжению в Сирию.

И вот у России в буквальном смысле на шее оказалась «Западная Азия», как предпочитают там называть Ближний Восток. Отныне россияне активно задействованы везде, где это только возможно: в Ираке, с курдами, в странах Персидского залива, Египте, Ливии, Алжире, а с недавних пор снова интересуются даже Западной Сахарой.

Раньше Россия могла подчинять свою политику на Ближнем Востоке стратегической цели – удерживанию цены на нефть на уровне выше \$50. Между тем реалии усложнились. В некоторых государствах региона Россия уже воспринимается как региональная ближневосточная сила, в отличие от США, пришедшая, чтобы остаться. Поворот России в сторону Турции также, по-видимому, связан с этим обстоятельством. Каждый борется за выживание. В таких условиях лучше договориться с прямыми соседями, которые могут доставить больше неприятностей, чем Трамп по ту сторону Атлантики.

*Ирония истории:
поведение Трампа на
Ближнем Востоке*

Ирония истории: поведение Трампа на Ближнем Востоке приближается к тому, что раньше было скорее характерно для России: продажа оружия и, в первую

*приближается к тому,
что раньше было скорее
характерно для России:
продажа оружия и, в
первую очередь,
невмешательство в
ситуацию, сложившуюся
с правами человека у
других.*

очередь, невмешательство в ситуацию, сложившуюся с правами человека у других. Но самое главное убеждение таково: тот, кто слишком дифференцированно смотрит на ситуацию и пытается понять интересы и опасения других, тот уже проиграл. При необходимости надо немного подправить реальность ложью, для того чтобы сделать ее приемлемой.

Россия в качестве формирующей силы была поставлена перед необходимостью принятия стратегического решения. Она может добиться кадровых перемен в Сирии и тем самым начать преобразования, которых не смогут избежать и многие вооруженные бунтовщики. Те, кто, как и большинство военных режима, хочет положить конец войне. Для этого россиянам нужна часть населения, которая хочет сохранить и изменить Сирию как государство и ищет ее спасения не в вооруженном восстании. Того населения, которое страстно желает не только окончания войны, но и конца существующего режима насилия. Между тем сохранить сирийское государство удастся лишь при условии разрушения его институций путем одобрительного несопротивления.

Поэтому России очень скоро придется принимать решение: желает ли она формировать Сирию и брать на себя ответственность за безопасность ее населения или все же предпочитает как можно быстрее найти стратегию выхода.

Даниэль Герлах
Берлин

Даниэль Герлах (Daniel Gerlach) – один из издателей и главный редактор журнала Zenith, а также сооснователь и главный редактор немецкого издательства Levante. Герлах изучал историю и востоковедение в Гамбурге и Париже. Вместе с правозащитником и специалистом по конституционному праву Насефом Найемом он

руководит группой экспертов по Ближнему Востоку zenithCouncil.